

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЯ

Научная статья

Социологические науки

УДК 94(73).092

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-102-121](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-102-121)

Управляемая миграция как потенциальная составляющая «гибридных» конфликтов

Олег Васильевич Тиханычев

Группа компаний «Т1», Москва, Российская Федерация

Кандидат технических наук, профессор Академии военных наук

to.tehnoserv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4759-2931>

Аннотация. Объектом исследования является «гибридное противоборство», предмет исследования – управляемая миграция, как возможная составляющая часть «гибридных» войн. В статье проанализированы объём и динамика миграционных процессов в современном мире и, в сравнении с основными составляющими «гибридных» действий, на основе комплексного анализа, сделан вывод о том, что данные процессы потенциально могут являться составляющими «гибридного» противоборства. В статье с использованием методов исторического анализа и обобщения сделаны выводы о том, как управляемая миграция может вписываться в составляющие «гибридного» противоборства: информационную, экономическую, организационную и военную. На основании данного анализа сделан вывод, что потенциально использование управляемой миграции может быть достаточно эффективно, а особенности этого процесса позволяют логично вписаться во все аспекты «гибридной» войны. На основе анализа статистики сделан вывод о том, что управляемая миграция, в случае её использования как составляющей «гибридного» противоборства,

имеет ряд особенностей, затрудняющих купирование последствий её применения. Сформулированы такие особенности управляемой миграции как легальность используемых методов, скрытность, нацеленность на перспективу, способность к саморазвитию ситуации, использование современных технологий для реализации управления и поддержания процесса. С учётом этих особенностей синтезирован обобщённый алгоритм возможного противодействия, основанный на типовом цикле управления военными действиями.

Новизна исследования заключается в том, что автором в рамках статьи впервые сформулирована постановка задачи по решению проблемы противодействия управляемой миграции, сделан вывод о необходимости обеспечить разработку методик противодействия данной проблеме, предложены в общем виде варианты её решения

Ключевые слова: «гибридный» конфликт, история «гибридных» конфликтов, компоненты «гибридных» действий, управляемая миграция, противодействие миграции

Для цитирования: Тиханычев О.В. Управляемая миграция как потенциальная составляющая «гибридных» конфликтов. Россия: общество, политика, история. 2025. №2(15). С. 102-121.

SOCIAL PROCESSES AND PHENOMENA

Original article

Sociological sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-102-121](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-102-121)

Managed Migration as a Potential Component of “Hybrid” Conflicts

Oleg V. Tikhanychev

“T1” Group of companies, Moscow, Russian Federation

to.tehnoserv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4759-2931>

Abstract. The object of the study is “hybrid warfare”, the subject of the study is controlled migration as a possible component of “hybrid” wars. The article analyzes the volume and dynamics of migration processes in the modern world and, in comparison with the main components of “hybrid” actions, based on a comprehensive analysis, it is concluded that these processes can potentially be components of a “hybrid” confrontation. Using the methods of analysis and generalization, the article draws conclusions about how managed migration can fit into the components of a “hybrid” confrontation.: informational, economic, organizational, and military. Based on this analysis, it is concluded that the potential use of managed migration can be quite effective, and the features of this process make it possible to logically fit into all aspects of the “hybrid” war. The article uses the following research methods: analysis of the content of historical and regulatory documents contained in the public domain, synthesis of conclusions and proposals on possible manifestations and counteraction to managed migration as an integral part of the “hybrid” confrontation. Based on the analysis of statistics, it is concluded that controlled migration, if used as a component of a “hybrid” confrontation, has a number of features that make it difficult to mitigate the consequences of its use. Such features of managed migration as the legality of the methods

used, secrecy, focus on the future, the ability to self-develop the situation, the use of modern technologies to implement management and maintain the process are formulated. Taking into account these features, a generalized algorithm of possible counteraction based on a typical cycle of military operations management has been synthesized.

The novelty of the research lies in the fact that the author, within the framework of the article, formulated for the first time the task of solving the problem of countering managed migration, concluded that it was necessary to develop methods to counter this problem, and proposed general solutions

Keywords: “hybrid” conflict, history of “hybrid” conflicts, components of “hybrid” actions, managed migration, counteraction to migration

For citation: Tikhanychev, O.V. Managed Migration as a Potential Component of “Hybrid” Conflicts. Russia: Society, Politics, History. 2025. No. 2(15). pp. 102-121.

Введение

Одной из форм межгосударственного противоборства, считающейся историческим развитием прокси-конфликтов (проху war), является «гибридная» война. Несмотря на то, что существующее международное законодательство не рассматривает «гибридные» действия как отдельный способ ведения войны, эта форма активно используется практически всеми участниками вооруженных конфликтов последнего времени. В то же время, по определению того, что относить к «гибридным» войнам и по структуре данных конфликтов, до настоящего времени ведутся дискуссии.

Считается, что впервые определение «гибридная война» (Hybrid Warfare, HW) было предложено в 2005 году Джеймсом Мэттисом и Френком Хоффманом как определение уже существовавшего, но не обозначенного явления. В настоящее время специалистами используется несколько вариантов определения «гибридного» противоборства (8, с. 5; 16, с. 3; 18; 19, с. 12), содержание которых можно свести к тому, что «гибридная война» – это не прямые действия со скрытым использованием военной силы, сопровождающимся активным информационным и экономическим воздействием на противника (14, с. 5; 15, с. 40).

Анализ сущности определений «гибридной войны», самого содержания «гибридных» действий подтверждает, что они являются логичным продолжением методов ведения прокси-войн. Но с развитием технологий, эти скрытые вооруженные действия были дополнены более интенсивными информационной и экономической борьбой, а также комплексом политических и юридических мер, которые в совокупности можно определить как организационную составляющую «гибридных» конфликтов (13, с. 77).

Но даже после некоторого снижения терминологической неоднозначности, остаются концептуальные неопределённости в применении многих составляющих «гибридных» действий. Одна из таких неопределённостей – потенциально возможное использование миграционных потоков в рамках этой формы противоборства. Нет явного подтверждения, что кратно выросшая в последние два десятилетия во всём мире миграция применяется целенаправленно как форма «гибридного» противоборства, но, теоретически, в случае её использования с такой целью, возникает множество взаимоувязанных факторов и последствий, потенциально влияющих на многие процессы межгосударственного взаимодействия. Доказательство выдвинутой гипотезы о применении управляемой миграции как компонента «гибридных» конфликтов различной интенсивности, является своевременным и актуальным, что определяет актуальность тематики статьи.

Материалы и методы исследования

В качестве методологической основы исследования был избран системный подход, основанный на использовании принципов историзма. Использование системного подхода, метода сравнительного анализа и методов обобщения, дало возможность рассматривать в комплексе вопросы влияния миграции населения на ведение «гибридных» конфликтов.

Источниковую базу исследования составили исторические и нормативные документы, находящиеся в открытом доступе.

Результаты исследования

Как отмечено ранее, современные «гибридные» конфликты являются историческим развитием прокси-войн (опосредованных войн), появление

которых отмеряется одними историками (Энтони Бивор, Карл Дойч, Эндрю Мамфорд) от Гражданской войны в Испании 1936-39 годов, а другими (Вильямсон Мюррей, Питер Мансур) – вообще с античных времён.

Анализ структуры и взаимодействия компонентов «гибридного» противоборства начиная с указанных исторических периодов показывает, что основными их компонентами являлись вооруженная борьба, информационное, а впоследствии и экономическое противоборство. В то же время, данная форма противоборства характеризуется непрерывным развитием, и, как показал исторический анализ, одним из возможных вариантов действий при её ведении может быть управление перемещением населения. Наиболее близким примером такого воздействия может служить намеренное разорение пригородов при осаде крепостей и городов, которым вызывался отток населения внутрь крепости, чтобы повысить нагрузку на системы её жизнеобеспечения. На более поздних исторических периодах специалисты отмечают использование так называемой криминальной миграции для дестабилизации политической ситуации в стране-противнике (7, с. 2). В рамках новейшей истории специалистами отмечается, что управление перемещением населения в форме управляемой миграции является одним из методов ведения современных «гибридных» конфликтов и организации «цветных» революций, например, в Ливии, Сирии (1, с. 5).

Впрочем, несмотря на наличие исторических подтверждений, официально подобный подход нигде в явном виде не фиксируется и не выделяется специалистами как направленный метод воздействия. В то же время, по данным исторического анализа можно отметить возможность использования управляемой миграции как метода, используемого в рамках «гибридного» противоборства на разных фазах его ведения. Более того, можно предположить, что данный метод уже используется отдельными акторами мировой политики.

В новейшей истории, косвенным подтверждением этого тезиса могут являться целенаправленные действия и заявления Турции¹⁵ по управлению миграционными потоками из Сирии в ЕС через нарушение соглашения по мигрантам (5, с. 78), более явной ссылкой на подтверждение такой возможности являются рассекреченные документы USAID¹⁶ в части организации миграции

15 Анкара перешла все границы. Евросоюз обвинил президента Турции в политическом шантаже. Коммерсантъ. 2020. №42 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4282580>

16 С 1 октября 2012 года деятельность в РФ Агентства США по международному развитию прекращена.

из бывших среднеазиатских республик СССР в Россию¹⁷. Последнее особенно актуально с учётом признания в марте 2025 года госсекретарем США Марко Рубио в ведении его страной прокси-войны против России¹⁸.

Подтверждением факта непрерывного роста миграции в периоды вышеуказанных действий является статистика по росту потоков беженцев как в Европу (рис. 1), так и в мире в целом (рис. 2).

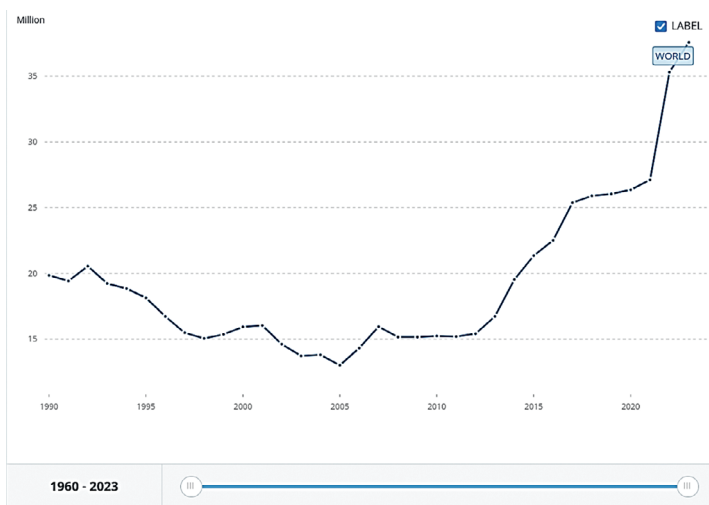
Рисунок 1. Распределение беженцев по странам на период пика миграционного кризиса в Европе
Figure 1. Distribution of refugees by country during the peak of the migration crisis in Europe

17 Соколов А. Операция «Мигранты». Массовый завоз мигрантов в Россию спонсировали США и Великобритания. Столетие. 17 марта. URL: https://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/operacija_migranty_209.htm.

18 Мартынова П. Рубио назвал конфликт на Украине «прокси-войной» между Россией и США. РБК: сайт. 06.03.2025. URL: <https://rbc-ru.turbopages.org/rbc.ru/s/politics/06/03/2025/67c90e239a79471bc30ddc45>

Рисунок 2. График роста общего количества беженцев по всем регионам мира¹⁹
Figure 2. Graph of the growth of the total number of refugees in all regions of the world

В части миграционного потока в Россию можно оценить статистику Росстата, на официальном сайте которого отмечается достаточно высокий прирост мигрантов в период с 2000 по 2024 год. Особенно данный поток вырос в 2024 году (рис. 3), хотя при анализе следует учесть влияние на результаты совершенствования мер миграционного учёта именно в этот период. За январь-ноябрь 2024 года, по данным ФМС России, иммиграционный прирост составил 420 тысяч человек, то есть в 3,9 раза больше, чем за тот же период в 2023 году. Наибольший прирост пришелся на граждан Таджикистана (+107,6 тысячи человек или +40% по сравнению с тем же периодом 2023-го), Узбекистана (+83 тысячи или +1935%) и Кыргызстана (+79 тысяч или +1070%). Особое внимание обращает на себя факт, что максимальный рост иммигрантов отмечается для стран, упоминаемых в материалах USAID²⁰.

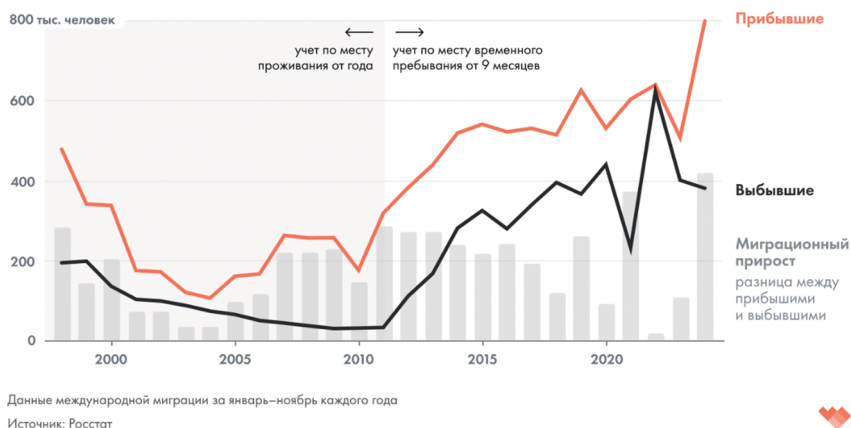
19 Источник: World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.REFG>

20 С 1 октября 2012 года деятельность в РФ Агентства США по международному развитию прекращена.

Структура иммиграции по возрастным группам (11, с. 280), учитывая, что в составе мигрантов всегда преобладает наиболее активная и трудоспособная часть населения, не в полной мере может служить подтверждением выдвинутой гипотезы, но порождает определённые опасения. Тем более в рассматриваемом случае (рис. 4) смещение графика влево аномально сильное, а довольно высокая и плавно понижающаяся его правая часть показывает высокую нагрузку на социальную систему принимающей стороны.

Рисунок 3. Статистика миграции в РФ на примере 2024 года
(по данным Росстат)²¹

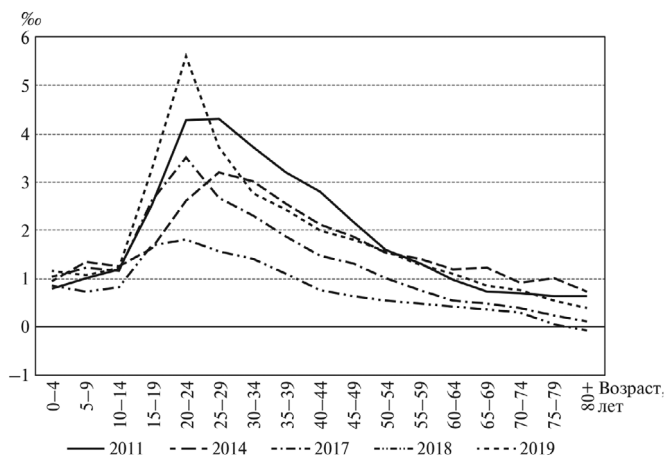
Figure 3. Migration statistics in the Russian Federation for 2024
(according to Rosstat data)

21 Источник: Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>

Рисунок 4. Иммиграционный прирост населения РФ по возрастным группам (по данным единой межведомственной информационно-статистической системы)²²

Figure 4. Immigration growth of the population of the Russian Federation by age groups (according to the unified interdepartmental information and statistical system)

Таким образом, сочетание анализируемых факторов: высказываний зарубежных политиков в данном аспекте, материалов USAID²³ и обработки статистики миграции, позволяет принять сформулированную гипотезу о возможности использования управляемой миграции как одного из инструментов ведения «гибридных» войн. И хотя рассмотренные в процессе анализа признаки не являются явно выраженными, это не противоречит выдвинутой гипотезе, так как «гибридные» конфликты по определению являются скрытым применением воздействия на противника.

Для уточнения сформулированной гипотезы предлагается рассмотреть некоторые особенности миграционных процессов и их возможное влияние на ход «гибридного» противоборства.

22 Источник: Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom6_Migraciya_naseleniya

23 С 1 октября 2012 года деятельность в РФ Агентства США по международному развитию прекращена.

Обсуждение результатов

Если принять предположение, что управляемая миграция используется как элемент ведения «гибридных» войн, логично отметить факторы, которые потенциально могут быть реализованы через управляемую миграцию в рамках гибридного противоборства.

Во-первых, это экономическая составляющая «гибридного» противоборства, которая через миграцию может реализоваться за счёт повышения социальной нагрузки на экономику противника без усиления налоговой базы. Первое определяется тем, что, часть мигрантов составляют недееспособные граждане, ещё более усиливающие нагрузку на социальную систему принимающего государства. Второй аспект определяется тем, что существенная часть мигрантов не встраиваются в официальную экономику, а расширяют её теневую часть, не жалея вкладываться в развитие страны, которую считают чужой.

Во-вторых, мигрантами, в большинстве случаев, осуществляется активное ментальное воздействие, несоблюдение законов и привнесение свежих обычаев и традиций, в большинстве случаев отличающихся, а иногда и прямо противоречащих законам и традициям основного населения (6, с. 20).

В-третьих, в части информационной составляющей «гибридного» противоборства можно отметить, что в рамках ведения современных конфликтов, появилась тенденция перевода информационного воздействия в физическую область. Информационные действия стали шире, чем просто воздействие на сознание армии и гражданского населения противника, появилась возможность их перевода из информационной в физическую сферу, проявляющаяся в привлечении путём манипуляций населения противника к проведению террористических акций, управляемых дистанционно. Возникло новое качество, основанное на информатизации и прозрачности современного мира, которое наиболее часто применяется в более активных фазах противоборства. И среда мигрантов, не интегрированных в принявшее их общество, является потенциальным источником исполнителей для реализации данного метода действий.

И последнее, в военной составляющей «гибридного» противоборства, как показывает анализ древней и даже новейшей истории, в случае переходы «гибридного» конфликта в силовую фазу, мигранты являются практически

готовой «пятой колонной», поддерживающей в тылу действия основных сил противника и требующей отвлечения сил для парирования угроз (3, с. 35; 4, с. 127; 17, с. 327). В этой связи можно вспомнить что само название «пятая колонна» (исп. quinta columna) тоже появилось в ходе «гибридной» войны в Испании.

Таким образом, можно сделать вывод, что потенциально, использование управляемой миграции может активно повлиять практически на все составляющие «гибридных» действий. В то же время, у применения управляемой миграции, исходя из структуры её воздействия на потенциального противника, имеется ряд особенностей, существенно затрудняющие противодействие ей существующими методами:

- используемые для организации миграции методы, в основном, являются легальными и могут применяться в мирное время, без перехода к официальным боевым действиям;
- применяемые методы рассчитаны на длительное применение, они работают на перспективу, что выдвигает требования к противоборству им по времени и непрерывности (9, с.32);
- действия по организации миграционных потоков, как правило, имеют относительно низкую интенсивность и малую заметность, что затрудняет их обнаружение и прогнозирование;
- более того, в дополнение к предыдущему свойству требуется отметить, что действия по организации миграции, как правило, прикрываются различными тезисами по обоснованию её необходимости, маскируются под трудовую и другие не опасные виды миграции;
- любые миграционные процессы, как правило, являются саморазвивающимися, с определённого периода они продолжают развиваться и расширяться самостоятельно, без дополнительных внешних воздействий (12, с. 61);
- организаторами миграционных процессов активно используются современные технологии и методы, изначально предназначенные совсем для другого, например, современные средства и системы коммуникации, средства двойного назначения и т.п.

Все указанные факторы требуют особого подхода к противодействию нелегальной миграции, как средству ведения «гибридного» противоборства.

При формировании указанного подхода требуется учитывать, что организация направленных потоков миграции, с точки зрения управления,

является достаточно тривиальным процессом, а вот противодействие ей – намного сложнее. Но именно организация противодействия является крайне важной, так как, как показал анализ, признаки управления миграцией в рамках «гибридного» противоборства имеются, в том числе, и против нашей страны.

В целом, даже не акцентируясь на ведении «гибридного» противоборства, многие государства стараются управлять миграционными потоками, чтобы снизить их потенциальное влияние на свою экономику и демографию. Противодействие, чаще всего, оказывается на законодательном уровне. В данном аспекте можно отметить достаточно жесткое миграционное законодательство Саудовской Аравии и ОАЭ (поручительная система «кафала», араб. نظام الكفالة), миграционное законодательство США (Immigration Act of 1990) и других стран, исторически испытывающих высокое миграционное давление. В последнее время определённые успехи имеются в данной области у нашей страны: введение в России в 2025 году «Реестра контролируемых лиц», обеспечивающего инструментальный контроль незаконной миграции (2, с. 21). Данные меры обеспечивают эффективность пассивного противодействия ненаправленной миграции, порождаемой естественными причинами.

Если принять предположение, что управляемая миграция может использоваться как инструмент «гибридных» действий, данные методы могут оказаться недостаточно эффективны. Для решения задач в условиях активных действий нужны системы, не просто реагирующие на возникающие угрозы, а основанные на проактивных подходах к организации противодействия (10, с. 15).

Эффективные методы борьбы с процессами управляемой миграции, если предположить, что она используется как компонент «гибридного» противоборства и учитывая, что «гибридные» действия, это одна из форм вооруженной борьбы, могут основываться на отработанных типовых алгоритмах управления военными действиями:

- сбор данных, мониторинг их изменения в целях выявления действий «гибридного» противника, их вероятного характера и направлений приложения;
- анализ полученных данных, выявление критичных направлений и составляющих;

- разработка цели и мер противодействия, вариантов их реализации;
- прогнозирование последствий своих действий по разным вариантам противодействия, выбор приемлемого варианта действий;
- разработка плановых мероприятий;
- доведение мероприятий до исполнителей, организация выполнения;
- непрерывный контроль процесса, управление;
- оценка результатов, возврат к новому циклу управления.

При всей простоте этого алгоритма, как части общего алгоритма противодействия «гибридному» воздействию, реализовать его можно, только если обеспечить каждый этап соответствующим инструментарием: методиками, системами показателей и критериев, прогнозными моделями. Но, для начала, необходимо признать саму проблему и формализовать её.

В настоящее время, как показывает анализ ситуации, для реализации предлагаемого алгоритма не хватает многого: методик, программ подготовки персонала, нормативно-правовой базы и т.п., но необходимо развивать данный процесс, это требование порождается объективными обстоятельствами.

Выводы

Проведённый в статье исторический и статистический анализ показал, что, потенциально, управляемая миграция может быть одним из инструментов «гибридного» противоборства. Разумеется, управляемая миграция, хотя и оказывает комплексное воздействие на все составляющие «гибридной» войны, является лишь одним из множества возможных инструментов её ведения. Но именно в данной, недостаточно исследованной области, в настоящее время сложилась периодически встречающаяся на практике системная ситуация: изменение физических условий и техническое развитие опередило применяемые формы и методы противоборства. Возникшее противоречие между имеющимися возможностями противоборства, принципами и законами их использования требует скорейшего разрешения.

В рамках разрешения этого противоречия, в статье впервые обозначена и сформулирована проблема, решение которой ещё предстоит найти. В процессе этого поиска следует учесть, что современные вызовы требуют использования современных решений, например, применения систем

обработки больших данных, прогнозирования на основе искусственного интеллекта, математического моделирования. Впрочем, всё перечисленное – это только инструментарий, для его реализации нужны соответствующие управленческие решения и методы, разработке которых, возможно, послужит формализация проблемы управляемой миграции, проведённая в данной статье.

Список источников

1. Бартош А.А. (2018), «Трение» и «износ» гибридной войны [«Friction» and «Wear» of Hybrid Warfare]. Военная мысль. № 1. С.5-13.
2. Бартош А.А. (2024), Модели эскалации современных военных конфликтов [Escalation patterns of modern military conflicts]. Военная мысль. № 1. С. 21-36.
3. Богатырёв В.В. (2021), Проблемы международно-правового регулирования современных гибридных войн [Population of Russia 2019: twenty-seventh annual demographic report]. Вестник владимирского юридического института. № 2 (59). С.34-38.
4. Дылевский И.Н., Шевченко А.П., Меньшиков Д.В., Комов С.А. (2025), Методический подход к определению понятия «вооруженное нападение с использованием информационных технологий» [A Methodological Approach to Defining the Concept of “Armed Attack Using Information Technology”]. Военная мысль. №3. С.127-133.
5. Зубов В.В. (2019), Взаимодействие Европейского союза и Турции по проблеме миграционного кризиса: глубинные противоречия как следствие изменения геополитических реалий [EU-Turkey Interaction on the Migration Crisis: Deep-seated Contradictions as a Result of Changing Geopolitical Realities]. Гуманитарные науки, Вестник финансового университета. №9(4). С.78-82. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-78-82.
6. Ильницкий А.М. (2021), Ментальная война России [Russia’s Mental War]. Военная мысль. № 8. С.19-33.
7. Литвинов Н.Д., Родионов Д.А., Хабибулин А.Г. (2023), Криминальная миграция участников структур гибридной войны через государственную границу и территории Российской империи

- [History of the development of «hybrid» actions from «false flag» wars to «smart power»]. Миграционное право. №1. С. 2-8.
8. Манойло А.В. (2015), Цветные революции в контексте гибридных войн [Color revolutions in the context of hybrid wars]. Право и политика. № 10. С.1400-1405.
 9. Манойло А.В. (2022), Информационные диверсии в конфликте на Украине [Information sabotage in the conflict in Ukraine]. Вестник Московского государственного областного университета. № 4. URL: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-4-1130>.
 10. Мельников Е.А. (2025), Правовое обеспечение противодействия незаконной миграции [Legal support for combating illegal migration]. Миграционное право. №1. С.15-17. DOI 10.18572/2071-1182-2025-1-15-17.
 11. Митрофанова Е. С., Васин С. А., Щербакова Е. М. (2022), Население России 2019: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад [Population of Russia 2019: twenty-seventh annual demographic report]. Отв. ред. Захаров С.В. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. DOI: 10.17323/978-5-7598-2554-8
 12. Тиханычев О.В., Тиханычева Е.О. (2016), Некоторые аспекты моделирования этносоциальных процессов [Some aspects of modeling ethnosocial processes]. Научно-теоретический труд. М.: Эдитус.
 13. Тиханычев О.В. (2025), История развития «гибридных» действий от войн «под чужим флагом» до «умной силы» [History of the development of «hybrid» actions from «false flag» wars to «smart power»]. Национальная безопасность / nota bene. № 1. С.77-102. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.1.39475
 14. Boda, M. (2024), Hybrid War: Theory and Ethics. Academic and Applied Research in Military and Public Management Science. No. 23. pp. 5-17. DOI: 510.32565/aarms.2024.1.
 15. Caliskan, M. (2019), Hybrid warfare through the lens of strategic theory. Defense & Security Analysis. No. 35. pp. 40-58.
 16. Fox, A. C., Rossow, A. J. (2017), Making. Sense of Russian Hybrid Warfare: A Brief Assessment of the Russo–Ukrainian War. The Land Warfare Papers. No.112. p. 3.

17. Harsin, J. (2015), Regimes of Posttruth, Postpolitics, and Attention Economies. *Communication, Culture & Critique*. No.8(2). pp. 327-333.
18. McDermott, R. N. (2017), Russia's Electronic Warfare Capabilities to 2025: Challenging NATO in the Electromagnetic Spectrum. *International Centre for Defense and Security (ICDS)*. <http://www.jstor.org/stable/resrep54439>.
19. Williamson M., Mansoor, P. R. (2012), *Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present*. Cambridge University Press.

References

1. Bartosh, A.A. (2018), "Friction" and "wear and tear" of hybrid warfare. *Military Thought*. No. 1. pp. 5-13. (In Russian)
2. Bartosh, A.A. (2024), Escalation Models of Modern Military Conflicts. *Military Thought*. No. 1. pp. 21-36. (In Russian)
3. Bogatyrov, V.V. (2021), Problems of international legal regulation of modern hybrid wars. *Bulletin of the Vladimir Law Institute*. No. 2(59). pp. 34-38. (In Russian)
4. Dylevskiy, I.N., Shevchenko, A.L., Men'shikov, D.V., Komov, S.A. (2025), A Methodological Approach to Defining the Concept of "Armed Attack Using Information Technologies". *Military Thought*. No. 3. pp. 127-133. (In Russian)
5. Zubov, V.V. (2019), The Interaction of the European Union and Turkey on the Problem of the Migration Crisis: Deep Contradictions as a Result of Changes in the Geopolitical Realities. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. No. 9(4). pp. 78-82. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-78-82. (In Russian)
6. Il'nitskiy, A.M. (2021), Russia's Mental War. *Military thought*. No. 8. pp. 9-33. (In Russian)
7. Litvinov, N.D., Rodionov, D.A., Khabibulin, A.G. (2023), Criminal migration of participants in hybrid war structures across the state border and territories of the Russian Empire. *Migration Law*. No. 1. pp. 2-8. (In Russian)
8. Manoylo, A.V. (2015), Color revolutions in the context of hybrid wars. *Law and Politics*. No. 10. pp. 1400-1405. (In Russian)

9. Manoylo, A.V. (2022), Information sabotage in the conflict in Ukraine. Bulletin of Moscow State Regional University. No. 4. URL: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-4-1130>. (In Russian)
10. Mel'nikov, E.A. (2025), Legal support for combating illegal migration. Migration law. No. 1. pp. 15-17. DOI 10.18572/2071-1182-2025-1-15-17. (In Russian)
11. Mitrofanova, E.S., Vasin, S.A., Shcherbakova, E.M. (2022), Population of Russia 2019: twenty-seventh annual demographic report. Ed. Zakharov S.V. Moscow, NIU VSHE Publ. DOI: 10.17323/978-5-7598-2554-8. (In Russian)
12. Tikhanychev, O.V., Tikhanycheva, E.O. (2016), Some aspects of modeling ethnosocial processes. Scientific and theoretical work. Moscow, Editus Publ. (In Russian)
13. Tikhanychev, O.V. (2025), History of the development of “hybrid” actions from “false flag” wars to “smart power”. National Security / nota bene. No. 1. pp. 77-102. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.1.39475. (In Russian)
14. Boda, M. (2024), Hybrid War: Theory and Ethics. Academic and Applied Research in Military and Public Management Science. No. 23. pp. 5-17. DOI: 510.32565/aarms.2024.1.
15. Caliskan, M. (2019), Hybrid warfare through the lens of strategic theory. Defense & Security Analysis. No. 35. pp. 40-58.
16. Fox, A. C., Rossow, A. J. (2017), Making. Sense of Russian Hybrid Warfare: A Brief Assessment of the Russo–Ukrainian War. The Land Warfare Papers. No.112. p. 3.
17. Harsin, J. (2015), Regimes of Posttruth, Postpolitics, and Attention Economies. Communication, Culture & Critique. No.8(2). pp. 327-333.
18. McDermott, R. N. (2017), Russia's Electronic Warfare Capabilities to 2025: Challenging NATO in the Electromagnetic Spectrum. International Centre for Defense and Security (ICDS). <http://www.jstor.org/stable/resrep54439>.
19. Williamson M., Mansoor, P. R. (2012), Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present. Cambridge University Press.

Информация об авторе

ТИХАНЫЧЕВ Олег Васильевич, кандидат технических наук, профессор Академии военных наук, заместитель начальника отдела, Группа компаний «Т1», Москва, Российская Федерация. E-mail: to.tehnoserv@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4759-2931>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18.04.2025. Одобрена после рецензирования: 28.05.2025. Принята к публикации: 09.06.2025. Опубликовано: 30.06.2025.

Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

About the author

Oleg V. TIKHANYCHEV, CandSc (Tech.), Professor of Academy of Military Sciences, Deputy Head of the Department, "T1" Group of companies, Moscow, Russian Federation. E-mail: to.tehnoserv@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4759-2931>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflicts of interest.

Article info

Submitted: 18.04.2025. Approved after peer review: 28.05.2025. Accepted for publication: 09.06.2025. Published: 30.06.2025.

Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.